

Тёплые связи бытия

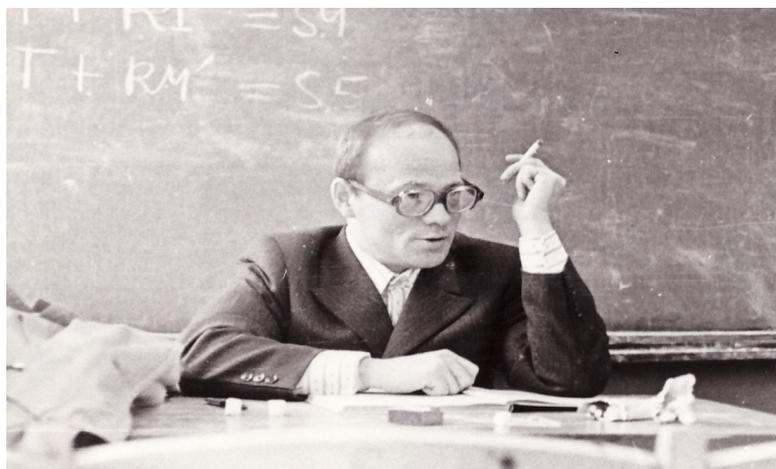
От редакции

Название этой рубрики мы позаимствовали у Ильи Сельвинского. В одном из его стихов есть такие строки:

Когда хоронишь друга — это
Ты сам частицею со света
Уходишь. Что же значит «Я»
Без тёплых связей бытия?

Но поэт ничего не писал о том, как это ощущение преломляется в наши чувства и мысли, когда они формируются в связке «учитель-ученик», возникающей в школе и университете. Когда мы годами и десятилетиями питаем безмолвную благодарность в отношении людей, которые однажды подсказали нам круг научных идей, интересующих нас всю последующую жизнь. Это царство безмолвия не всегда нужно и хочется нарушать, поскольку в нем скрыт наш сокровенный мир. Но корни научного творчества без таких связей немислимы. Питомцы нашего университета разбросаны по всему земному шару. Приглашаем вас, наши учителя и ученики, коллеги и друзья, духовные отцы, дети и внуки в наш уголок воспоминаний. Сделаем его уютным...

ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ЛОГИКА ЮРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ГЛАДКИХ (17 сентября 1938 — 27 ноября 1999)¹

Н.П. Стешенко
Южный федеральный университет

Аннотация: На основании личного опыта общения с Юрием Григорьевичем Гладких приводятся воспоминания о педагогической и научной деятельности основателя ростовской

¹ Фотография Ю.Г. Гладких от 6 ноября 1976 г.: «Лекция по логике в РГУ» предоставлена Н.П. Стешенко.

школы логики. Излагаются взгляды Ю.Г. Гладких на природу логики. Под «природой логики» имеется в виду предмет логики и факторы изменения, развития логики.

Ключевые слова: логика, логика без экзистенциальных предпосылок, предмет логики, природа логики, Аристотель, Первая Аналитика, Вторая Аналитики.

Юрий Григорьевич был замечательным логиком, удивительным человеком и талантливым педагогом.

Родился в Перми 17 сентября 1938. Его отец был начальником цеха одного из пермских заводов, мать — домохозяйкой. В 1956 г. он окончил среднюю школу и поступил работать на завод слесарем-сборщиком. С 1957 по 1960 г. служил в рядах Советской армии в Прибалтийском военном округе, в Калининграде. С 1962 по 1967 г. обучался на философском факультете МГУ, который окончил с отличием. Специализировался по кафедре логики, с 1967 по 1970 г. учился в аспирантуре под руководством Смирновой Елены Дмитриевны. Эти биографические данные я позаимствовал [Бочаров 2006: 5–6]. Профессор кафедры логики философского факультета МГУ Вячеслав Александрович Бочаров — друг Юрия Григорьевича — так характеризовал студента и аспиранта Гладких Ю.Г.: «Этот молодой, очень энергичный человек умел весьма в жёсткой форме отстаивать свою позицию, и «сбить» его с занимаемой точки зрения было совершенно невозможно. Видно было, что выбор логики в качестве своей специализации, которую он сделал на философском факультете, — выбор окончательный и бесповоротный. Все, что он делал в это время, было направлено на его становление как высококлассного профессионального логика» [Бочаров 2006: 6].

Высокий профессионализм им был проявлен уже во время обучения в аспирантуре: он опубликовал в это время в журнале «Вопросы философии» две статьи, которые и очертили круг его научных интересов — это логика без экзистенциальных предпосылок. Сам факт публикации аспирантом двух статей в этом ведущем философском журнале страны был редким случаем, возможно, уникальным.

В 1970 г. начал работать на философском факультете Ростовского университета (РГУ), с которым была связана вся его дальнейшая научная и педагогическая деятельность. Приступив к чтению обязательного курса логики на факультете, он перестроил все его содержание на современный лад и поставил его на уровень, соответствующий мировым стандартам. Из числа своих первых и лучших студентов Юрий Григорьевич подготовил квалифицированных специалистов в области логики, тем самым создал условия для открытия специализации по логике. Следующие поколения студентов, которые специализировались по логике, уже изучали различные разделы логики: модальную, деонтическую, эпистемическую, индуктивную логику, историю логики. На спецкурсах изучались основные работы зарубежных учёных по семантике модальных и интенциональных логик, логике изменения и времени, теорию доказательств и теорию моделей. Собственно Юрий Григорьевич сыграл определяющую роль в формировании, как структуры, так и содержания учебных курсов и спецкурсов по логике. Лучших учеников Юрий Григорьевич направлял для учёбы в аспирантуру на кафедру логики философского факультета МГУ. Специализацию по логике прошли 32 человека, 5 из них стали докторами наук, остальные, за редким исключением, кандидатами наук. Была создана ростовская школа логики.

К сожалению, активной научной и педагогической деятельностью Юрий Григорьевич смог заниматься всего 15 лет. В 1985 г. он перенёс тяжёлый инсульт, который повторился в 1992. В 1999 г. 27 ноября Юрия Григорьевича не стало.

Это, конечно, сухая, почти анкетная констатация событий жизни человека. По-видимому, у каждого человека, который соприкасался с Юрием Григорьевичем как студент, его уче-

ник или просто коллега по работе на философском факультете сформировался свой образ этого человека.

Помню мнение Виктора Николаевича Дубровина — преподавателя истории философии — о Юрии Григорьевиче, которое он высказал мне года за два до своей смерти. Как-то после сессии мы с Виктором Николаевичем жаловались друг другу на студентов, которым вынуждены были поставить двойки. Я заметил, что вот Юрий Григорьевич как-то умудрялся всегда находить сильных студентов, а я не умею этого делать. На что Виктор Николаевич заметил: «Юра был гением». Можно лишь предполагать, что он подразумевал некоторую сумму фактов педагогической и организаторской деятельности этого человека, в которую включался и факт создания, можно сказать, на пустом месте ростовской школы логиков, о которой знали по публикациям на всех философских факультетах университетов Советского Союза. И это было действительно так. Отмечу, что в 1982 г. в Литве (город Паланга) проходила Всесоюзная конференция по «Логике и методологии науки», в которой приняли участия шесть учеников Юрия Григорьевича. Тезисы докладов его учеников касались самых современных и различных разделов логики. За этим скрывалась огромная работа, энергия, особые, трудноуловимые психологические и педагогические качества, а также убежденность, почти религиозная, в пользу логики не только для философии и науки, но и для культуры любого человека. Такие педагогические и научные результаты вызывали уважения к этому человеку у всех философских логиков страны.

Тот обязательный курс логики, который читался всем студентам философского факультета РГУ, был значительно сложнее и объёмнее нынешнего курса логики. Тогда курс логики был рассчитан на три семестра, сейчас он составляет два. В настоящее время много говорят о самостоятельной работе студентов. При Гладких Ю.Г. самостоятельная работа включалась в совокупную экзаменационную оценку. Экзаменационные билеты делились на три уровня. Первый уровень — это три балла. Чтобы их получить, достаточно было ответить на вопросы, которые детально излагались в лекциях и прорабатывались на семинарских занятиях. Чтобы получить четыре балла, от студента требовались дополнительные усилия: надо было доказать ряд логических теорем, на лекциях намечались лишь контуры доказательства этих теорем и их методологическое значение для логики. Но чтобы получить пять баллов за весь обязательный курс логики студент должен был знать доказательство теоремы Курта Геделя о неполноте и теоремы о полноте логики предикатов первого порядка. В последнем случае, когда студент претендовал на отличную оценку, от него требовались огромные усилия и большие затраты времени, и такой студент всегда мог получить консультацию Юрия Григорьевича. Естественно, эти условия приёма экзаменов доводились до сведения студентов, и каждый студент через несколько первых недель изучения логики понимал, чтобы получить высокую оценку по логике, надо постоянно работать.

Как тогда, так и сейчас встречаются студенты, которые считают себя стопроцентными гуманитариями, и полагали, что логика нечто чужеродное для их философского образования, поскольку она использует символичный язык. Таких студентов было достаточно много, и Юрий Григорьевич регулярно старался показать важность логики для философии. В частности, он интерпретировал в терминах логики историко-философский материал, прежде всего некоторые аспекты учений Парменида, Платона, Аристотеля. Лично меня такие интерпретации вынуждали быть более внимательным к текстам философов и вызывали огромное уважение к истории философии как учебной дисциплине. Отдельным студентам из числа стопроцентных гуманитариев такие усилия со стороны преподавателя помогали выстроить усердное отношение к логике, но закоренелые гуманитарии оказывались упорными в своем неприятии символов. Обычно у последних и возникали проблемы с изучением логики: неправильные установки обрекали их на полное непонимание логики.

В 1975 г. я стал студентом философского факультета РГУ. Я знал, что среди прочих предметов имеется и логика, которую мне придётся изучать, начиная с первого семестра. Впервые о том, что такое логика, я услышал в первых числах сентября от своей землячки, она возвратилась на первый курс после академического отпуска, в который она вынуждена была уйти, поскольку не сдала логику. По ее оценке — логика такая дисциплина, которую невозможно изучить. Такое утверждение меня весьма удивило и настроило на серьёзный лад, не хотелось попасть в академический отпуск и поэтому, несколько напряжённо ожидал первую лекцию по логике. В аудиторию вошёл невысокий человек с высоко поднятой головой, в огромных очках. Не помню содержание этой первой, вводной лекции, но осталось общее впечатление доверия к тому, о чем говорил этот человек.

Семинарские занятия вели его ученики Агапов Евгений Петровичи и Солодухин Олег Анатольевич. Уже в первом семестре было заметно, что Юрий Григорьевич внимательно следил за текущей успеваемостью студентов по логике, и на тех студентов, которые занимались по логике на «отлично», обращал особое внимание. Свои лекции он начинал с краткого обзора содержания предыдущей лекции, в этот период лекции он обычно и обращался к «отличникам», чтобы они объяснили тот или иной ключевой фрагмент предыдущей лекции. Иногда случалось так, что ни один «отличник» не мог дать удовлетворительный ответ на его вопросы, тогда он раздражался (приблизительно так: «не понимаю, за что вам Солодухин и Агапов ставят пятёрки»), и начинал по новому объяснять этот фрагмент предыдущей лекции. Правильные ответы на его вопросы вызывали у него довольство и улыбку, иногда это сопровождалось кратким рассказом из его, Гладких Ю.Г., студенческой жизни. Запомнил один такой рассказ. Зиновьев Александр Александрович задал на дом множество заданий на построение выводов из посылок. К нашему всеобщему удивлению, говорил Юрий Григорьевич, большинство из этих доказательств никто из нашей группы не мог построить. На семинарском занятии Зиновьев раскрыл причину этого: надо было применять не прямые, а косвенные методы доказательства. Тогда эти выводы становились достаточно лёгкими, но до этого надо было додуматься, прежде этот способ доказательства на семинарских занятиях не использовался. Позже, когда я специализировался по логике, Юрий Григорьевич использовал этот приём обучения, но в более сложных ситуациях. Он давал на дом ряд однотипных заданий, которые легко решались, если кто-либо мог придумать и сформулировать (без доказательства) обобщение, которое являлось следствием из некоторой известной теоремы. Это способствовало лучшему пониманию базовых теорем.

Ещё во время общего изучения курса логики преподаватели логики во главе с Юрием Григорьевичем пытались выявить студентов склонных и заинтересованных в изучении логики. В частности, с этой целью в каждой группе среди желающих, после занятий, насколько помнится один раз в семестр, проводились конкурсы на лучшее решение логических задач. Победители награждались книгами.

На специализацию по логике обычно шли более или менее сильные студенты. Первоначально преподавателям логики надо было согласовать смутные интересы студента, мотивируемые скорее философскими, а не логическими знаниями, с тем или иным разделом современной логики. У каждого студента, специализирующегося по логике, была своя индивидуальная история. Детально помню свою. При изучении общего курса логики Олег Анатольевич Солодухин вёл в моей группе семинарские занятия по модальной логике, на этих занятиях давались (в соответствии с программой) элементарные представления об этом разделе логики. Я обратил внимание, что используемые в модальной логике отношения между понятиями «необходимость» и «возможность» сильно отличаются от отношения между сходными гегелевскими категориями. Олег Анатольевич достаточно быстро продемонстрировал, что семантическое значение гегелевских категорий весьма смутно, их содержание зависит от контекста

и «переплетения» с другими гегелевскими категориями. Также отметил, что ему неизвестны логические экспликации гегелевских категорий. Через некоторое время, по-видимому, на основе информации Солодухина О.А., Юрий Григорьевич продолжил со мною разговор на эту тему. Он рассказал, что есть польский логик Роговский, который формализовал некоторые фрагменты гегелевской «Наука логики», и убеждал меня в том, что изучать тексты Гегеля с точки зрения современной символической логики дело весьма важное. Предложил подумать. В итоге мои логические интересы сформировались до начала специализации, и я имел на руках монографию Леонарда Роговского, которую Юрий Григорьевич привез мне из Москвы. Отмечу кстати, что Юрий Григорьевич полностью обеспечивал студентов, специализирующихся по логике, необходимой литературой. К тому же в ростовских библиотеках попросту не было нужной литературы по логике. На этот счёт он был чрезвычайно энергичным и изобретательным. Для написания диплома мне требовалась одна статья англоязычного автора (Р. Раутли), которой не было в библиотеках Советского Союза. Он добыл мне эту статью в Венгрии через своих знакомых.

С теми студентами, которые специализировались по логике, у Ю.Г. Гладких складывался особый стиль общения. Эти студенты приглашались на квартиру, общение начиналось с обязательного чаепития на кухне. Здесь на кухне обсуждались не только логические проблемы, которые интересовали того или иного гостя, но и житейские дела. Позже, когда мы приехали к этой гостеприимной квартире, заходили уже не только по учебным делам, заходили, чтобы обсудить свои проблемы, спросить совета, поделиться радостью или поведать о своем каком-то затруднении. Мы чувствовали, что Юрий Григорьевич и его жена Энне Иоханесовна Труве были рады нас видеть. В этой квартире я всегда получал разумный совет и поддержку. Юрий Григорьевич и Энне Иоханесовна полностью доверяли нашим человеческим качествам. Здесь, на квартире, я впервые узнал о запретных в то время политических событиях: расстреле рабочих в Новочеркассах, правозащитной деятельности А.С. Есенина-Вольпина и Гастева Ю.А. Первый был известен нам, студентам, как переводчик знаменитой монографии С. Клини «Введение в метаматематику»; второй — Гастев — как переводчик учебника С. Клини «Математическая логика» и автор книги «Гомоморфизм и модели», которую мы в деталях изучали. Но в основном велись разговоры на философские или логические темы. Много узнал для себя об аналитической философии, здесь впервые услышал новые имена русских философов.

Самыми ответственными моментами являлись студенческая неделя науки и написание дипломных работ. Удивительно много времени он уделял своим студентам. Помню свою подготовку к первой неделе науки. Сначала я написал полный текст своего сообщения, затем, по замечаниям Юрия Григорьевича, этот текст несколько раз переписывался. Из этого текста надо было сделать тезисы выступления. Накануне дня выступления на неделе науки он попросил, чтобы я пришёл к нему на квартиру в часов 8 или 9 вечера. Я очень старался, и пришёл к нему, как мне казалось, с хорошо написанными тезисами выступления. Он их прочитал, и сказал, что тезисы никуда не годятся, по тексту тезисов высказал детальные замечания. Переписывай — сказал. Вновь и вновь он делал замечания по проделанной мною работе, иногда подсказывал, терпеливо ждал мои исправления, не вмешиваясь в ход моей работы, много курил. Работа прерывалась чаепитиями. Некоторые его замечания ставили меня в тупик, тогда он сам выводил меня из этого затруднения, говорил, что именно надо написать или сам писал нужный фрагмент текста. Временами мне казалось, что я сделал именно, то, что он требовал, но Юрий Григорьевич показывал, что это не так. Работа была закончена приблизительно в шесть утра. Ощущения усталости не было, но было чувство удовольствия от проделанной работы. Гораздо позже я понял, что это был процесс обучения написания научных тезисов по логике. Сейчас весьма сожалею, что не сохранились тезисы моего выступления,

фактически — это была моя первая научная работа, хотя и написанная при помощи Юрия Григорьевича. Процедура написания диплома намного длиннее во времени, но сам ход написания диплома во многом совпадал с тем, как писались тезисы к выступлению на неделе студенческой науки.

Юрий Григорьевич занимался и трудоустройством своих учеников. После окончания университета я был оставлен на факультете в качестве преподавателя логики на других факультетах, но стало ясно, что шансы на получение жилья в Ростове нулевые. При помощи Юрия Григорьевича я устроился работать в другом городе на весьма перспективных условиях.

Когда я жаловался, что диссертационный текст идёт плохо, он давал некоторые советы, которым я следую и сегодня при написании текстов. Советы были высказаны такие. Прочти не слишком широкий, но достаточный для понимания темы объем литературы; составь план, который, возможно, будет постепенно изменяться в ходе написания текста; не думай об объеме работы, который предстоит совершить, а сосредоточивайся на отдельном предложении; пиши так, как сам думаешь, совершенно не заботясь о том, что другие будут думать о твоих предложениях; принимай только рациональные, хорошо обоснованные возражения на свой текст; учись защищать свой текст.

Последние 14 лет своей жизни Юрий Григорьевич тяжело болел. Он не замкнулся в своей болезни. Поражало в этом человеке то, что, несмотря на болезнь, он живо интересовался судьбой своих учеников, радовался их научным и жизненным успехам, сильно огорчался их неудачам. Страдал, когда они причиняли ему боль своими поступками. У меня сложилось впечатление, что они, ученики, и составили основной смысл его жизни.

В 2000 г. отмечалось 30-летие философского факультета РГУ, съехались выпускники факультета. Они, познав труд преподавательской работы, вспоминали Юрия Григорьевича, с удовольствием рассказывали свои истории общения с этим человеком. Многие отмечали, что такого яркого человека и преподавателя больше не встречали в своей жизни.

Но Гладких Юрий Григорьевич был ещё и замечательным логиком.

Я попытаюсь максимально адекватно изложить взгляды на природу логики Юрия Григорьевича Гладких на основании вводной главы его монографии: «Логика без экзистенциальных предпосылок».

Первое издание этой монографии появилось в ротاپринтном варианте в 1984 в издательстве Ростовского государственного университета. Через 22 года, в 2006 году, эта монография была переиздана издательством МГУ. Мотивы переиздания книги изложены в «Предисловии редактора»: «...книга посвящена весьма важному разделу современной неклассической логики... и в нашей отечественной литературе является единственной работой, которая достаточно полно и систематично описывает эту область» [Бочаров 2006: 5].

Под «природой логики» имеется в виду предмет логики и факторы изменения, развития логики.

Чтобы описать взгляды Гладких Ю.Г. на природу логики, для начала отмечу, что рефлексия над теми или иными сторонами природы логики занятие не новое в философии. Укажу наиболее известные, — классические, — представления о природе логики.

С точки зрения содержательного состава логики (чем занимается логика) принципиальных разногласий, да и особых споров относительно того, чем должна заниматься логика, не было. Начальный круг проблем, которым занимается логика, установил Аристотель.

Это, во-первых, теория дедуктивных рассуждений, изложенная в Первой Аналитике и Второй Аналитике, и представленная аристотелевской силлогистикой.

Во-вторых, Аристотель начинает разрабатывать логико-семантическую проблематику, изложенную в различных работах Аристотеля, но прежде всего, в работе «Об истолковании».

Речь идёт о типах значимых выражений языка: различные виды терминов (логические и дескриптивные) и высказываний различной формы (у Аристотеля это предложения 4-х видов, например такого вида «А не присуще ни одному Б», «А сказывается обо всех Б», «Б не присуще некоторым В»).

В-третьих, логико-методологическая проблематика, также разбросанная по различным работам Аристотеля, но больше всего представлена в работе «Толика» и «Вторая Аналитика». Это, прежде всего определения.

Дальше, в ходе развития логики этот круг проблем расширился, например, возникли индуктивная логика, неклассические логики; кроме этого появились более совершенные методы исследования, как указанных проблем, так и новых.

Гладких Ю.Г. описывает расширения и уточнения заданного Аристотелем круга проблем. Но что является основой этих изменений, происходящих в логике? Для объяснения этих изменений он использовал марксистскую схему «практика — теория», но в несколько модифицированном виде — «логическая практика — теоретическая логика».

Такая схема позволяла с одной стороны избежать кантовского априоризма в понимании предмета логики.

Этот априоризм Кант сформулировал следующим образом: «Логика есть наука о разуме не только по форме, но и по материи, — априорная наука о необходимых законах мышления, но не в отношении отдельных предметов, а всех предметов вообще; следовательно, — наука о правильном применении рассудка и разума вообще, но не в субъективном употреблении, т. е. по эмпирическим (психологическим) принципам, не о том, как рассудок мыслит, а об объективном применении, т. е. по принципам, *a priori*, о том, как он должен мыслить» [Кант 1980: 323–324].

Кант полагал, что логика — завершённая наука, что оказалось, после того как появились работы Дж. Буля и Г. Фреге, очевидно неверным. Кантовское понимание логики как законченной науки есть следствие его априоризма.

С другой стороны, схема «логическая практика — теоретическая логика» позволяла избежать эмпиризма, который был связан с психологизмом в понимании логических законов. Психологизм рассматривал логику как часть психологии, а сами логические законы понимал как обобщение из опыта. Детальная критика различных вариантов психологизма в логике дана Э. Гуссерлем [Гуссерль 2011].

По мнению Юрия Григорьевича, предметом логики как научной дисциплины является «эмпирически данная логическая практика» [Гладких 2006: 12]. Что такое логическая практика?

«То, что мы называем логической практикой, можно описать кратко как практику оперирования концептуальными средствами. Под концептуальными средствами имеется в виду, в частности (и прежде всего), высказывания и термины самых различных форм и категорий, а также самые различные комплексы из высказываний и содержащихся в них терминов... Соответственно оперирование определёнными, теми или иными концептуальными средствами включает, в частности (и прежде всего), разнообразные действия с ними, например рассуждения (выводы) самых различных типов, определения и т. п., а также различные взаимодействия ассоциируемые с определённого рода концептуальными средствами, например диалоги, вопросно — ответные процедуры и т. д.» [Гладких 2006: 12]. Сама логическая практика включается в познавательную деятельность.

Приведём некоторые примеры «высказываний и терминов самых различных форм и категорий», без оперирования которыми невозможно построить ту или иную логическую теорию. Без высказываний логической формы «*Всякий S есть P*», «*Всякий S не есть P*», «*Некоторый S есть P*», «*Некоторый S не есть P*» невозможно построить силлогистику. Но в логиче-

ской практике вместо переменных S и P на самом деле использовались предложения с конкретными терминами, например «Все люди есть смертны». Без оперирования в процессах познания, в частности философского, предложениями вида «необходимо, что...», «возможно, что...», где вместо точек используются утвердительные предложения, невозможно построить модальную логику.

Но что значит, что логическая практика нам дана «эмпирически»?

Это означает, во-первых, что из практики нам известно, что значит построить доказательство, построить определение, осуществить классификацию, и провести другие логические действия и операции. Во-вторых, эти наблюдаемые разнообразные логические действия и операции должны быть зафиксированы лингвистически, т. е. в языке [Гладких 2006: 14].

Таким образом, этот эмпиризм не является обычным эмпиризмом, известным из истории философии. Ведь сами логические действия и операции не являются эмпирическими процедурами.

Второй член схемы «логическая практика — теоретическая логика» есть теоретическая логика и ее цель «исследовать эмпирически данную логическую практику и составить о ней систематический отчет в форме теоретических построений» [Гладких 2006: 14].

С другой стороны, теоретическая логика не только совершенствует то, что имеется в практике, но также создаёт такие элементы логических построений, теорий, которые еще не использовались в логической практике.

Теоретическая логика развивается во времени. Начало теоретизирования в логике положено Аристотелем и оформлено в виде логической системы (силлогистическая теория). Но аристотелевская силлогистика — это ещё не формальная логическая система (исчисление). Впервые идею построения формальной логической системы, или исчисления высказал Лейбниц. Он высказал мысль о построении универсального языка, на основе которого возможно формализовать любые рассуждения, а не только математические рассуждения. Фреге — создатель логики предикатов — переоткрыл идею Лейбница и реализовал эту идею в виде аксиоматического исчисления [Гладких 2006: 16–18].

Замечательно то, что Фреге также имел дело с логической практикой (речь идёт о доказательствах), зафиксированной лингвистически — в арифметических текстах (статьи, книги по арифметике). Пытаясь восстановить все шаги (цепочки) в доказательствах арифметических суждений Г. Фреге писал: «...я обнаружил препятствия в недостаточности языка, который при всей возникшей неуклюжести выражений, по мере усложнения отношений, все меньше позволял достичь точности, требуемой для моей цели. Из этой нужды возникла идея предлежащего „Шрифта понятий“» [Фреге 1987: 87–88].

Внутренние потребности логики породили теорию моделей и теорию доказательств. Сформировались методологические требования к исчислениям в виде различных метатеорем.

В середине XX века начался отход от «парадигмы Фреге». Одним из вариантов отхода от этой парадигмы Фреге и была логика без экзистенциальных предпосылок, которой занимался Юрий Григорьевич.

Однако описать его вклад в технически сложный раздел современной логики — логики без экзистенциальных предпосылок — невозможно без специальных терминов и утверждений логического характера. Поэтому эта часть логического творчества Юрия Григорьевича опускается. Он занимался и различными аспектами логической теории истины.

Чтобы дать представление о научной деятельности Гладких Ю.Г. в этих сферах логики ограничусь указанием только тех его публикации, которые непосредственно связаны с логикой без экзистенциальных предпосылок и логической теорией истины.

[1970a] Логика, свободная от экзистенциальных предпосылок // Вопросы философии. № 3. С. 108–119.

[1970в] Трактровка существования в формальной логике // Вопросы философии. № 9. С. 183–185.

[1976] Первопорядковая логика существования // 7 Всесоюзный симпозиум по логике и методологии науки. Тез. сообщений. — Киев. С. 90–92.

[1979] Singular terms, existence and truth: some remarks on the first-order Logic of existence // Essays on mathematical and philosophical Logic. Ed. J. Hintikka. — Boston. London. P. 405–415.

[1982] Теория истинности для модальной логики // Модальные и интенциональные логики. Материалы к 8 Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». — Вильнюс. С. 31–35.

[1984] Логика без экзистенциальных предпосылок. — Ростов-на-Дону. Из-во РГУ.

[1987] Предикация и существование // Современная логика и методология науки. — М., С. 126–129.

[2006] Логика без экзистенциальных предпосылок. — Москва. Из-во МГУ.

Отмечу, что во второе издание монографии «Логика без экзистенциальных предпосылок» было добавлено — по воле редактора Бочарова В.А. — две весьма важные работы Ю.Г. Гладких — «Предикация и существование» и «Теория истинности для модальной логики».

Бочаров В.А. 2006. Предисловие редактора. — Гладких Ю.Г. *Логика без экзистенциальных предпосылок*. — М.: МГУ. — С. 5–9.

Гладких Ю.Г. 2006. *Логика без экзистенциальных предпосылок*. — М.: МГУ.

Гуссерль Э. 2011. *Логические исследования. Т. 1. Прологомены к чистой логике*. — М.: Академический Проект.

Кант И. 1980. Логика. Пособие к лекциям. — Кант И. *Трактаты и письма*. — М.: Наука. — С. 319–444.

Фреге Г. 1987. Шрифт понятий. — *Методы логических исследований*. — Тбилиси.: Мецниереба. — С. 83–151.